

Размеренная трель коммуникатора нарушила полумрак комнаты. На столе шевельнулась копна растрепанных огненно-рыжих волос. Лингуан, все еще сонный и дезориентированный, приподнялся, зажмурившись от досады, потер лицо ладонью и, сладко зевнув, со второй попытки соизволил активировать мерцающий экран терминала.

В воздухе соткалась голограмма Сюань Юня.

Он окинул сонного брата мимолетным взглядом и сокрушенно вздохнул:

— А-Лин, ты опять пил?

Сюань Юнь стоял, чинно спрятав руки в широкие рукава строгого белого полукафтана в стиле чжуншань. Уголки его глаз чуть дрогнули, когда он неторопливо оглядел Лингуана с ног до головы. За его мягким, любящим взглядом скрывалось бесконечное укоризненное бессилие.

— Вместо того чтобы патрулировать улицы, ты запираешься в четырех стенах и глушишь алкоголь. Это же чистый яд для твоего здоровья! К тому же, ты постоянно перекладываешь свои обязанности на Е Линя. Парень отдувается за тебя уже вторую ночь подряд. Неужели тебе самому не совестно так его утруждать?

Сюань Юнь ворчал без умолку, точно заботливая наседка. Он разразился целой тирадой, плавно перетекая от вреда пьянства к безответственности Лингуана и безграничному терпению несчастного Е Линя.

От этих бесконечных нотаций у Лингуана мигом выветрились остатки хмеля. Он поморщился и потер виски, чувствуя, как начинает раскалываться голова.

— Да понял я, понял, — лениво протянул Лингуан, откидываясь на спинку стула и зарываясь пальцами в растрепанную шевелюру. — Схожу я на дежурство. Прямо сейчас и встану.

— Вообще-то ночной патруль уже закончился... — Сюань Юнь вздохнул и покачал головой. — Ладно, просто приведи себя в порядок. Я попросил Е Линя захватить для тебя завтрак.

Лингуан лениво потянул за шнурок плотных портьер. Комнату мгновенно залил ослепительный утренний свет, отразившийся от свежеевыпавшего снега.

Деревья за окном примерили тонкие белые наряды. На мостовой, впрочем, снег успели начисто убрать, но от одного взгляда на эту чистую зимнюю серость по коже невольно пробежал мороз.

Лингуан шумно выдохнул, борясь с накатывающей сонной истомой.

Запрыгнув на алтарный стол и небрежно подогнув колени, он слегка наклонил голову набок и принялся расчесывать длинную гриву. Его тонкие пальцы скользили сквозь огненные пряди с изяществом пианиста, перебирающего клавиши.

Скупые лучи зимнего солнца просачивались сквозь переплеты оконной рамы, путаясь в густых, волнистых волосах и лаская изгиб пушистых ресниц. Бледный профиль Лингуана казался отлитым из тончайшего фарфора с золоченой каймой, а когда он моргал, на его щеки падала мягкая, едва уловимая тень цвета зимней зари.

Заметив, что на брате красуется лишь тонкий свитер, Сюань Юнь снова завел свою волюнку:

— Сегодня первый снег, на улице жуткий холод. Оденься потеплее, не хватай простуду.

Лингуан опустил взгляд на свое отражение. Вязаный свитер едва прикрывал короткие кожаные шорты, оставляя щегольски обнаженными длинные бледные ноги. Ни о каком тепле при таком наряде говорить не приходилось.

Но виной всему был тот удивительный, драгоценный сон: Лингуану не хотелось снимать старую вещь, когда-то принадлежавшую его покойному супругу.

Вздохнув, он неохотно достал из шкафа теплые кашемировые гольфины. Натянул их выше колен и пристегнул клипсами к черным ремешкам гартеров, прячущихся под длинным подолом свитера.

Черный кашемир плотно обтянул стройные бедра, слегка стянув нежную белую кожу у самого края чулок. Мягкая плоть, дразняще выглядывавшая из-под трикотажа, и тонкие темные кольца ремешков создавали интригующий контраст, приковывающий взгляд и будоражащий воображение.

Что ж, по крайней мере, теперь он точно не окоченеет.

Накинув сверху свободный вязаный кардиган, Лингуан неспешно побрел к выходу, сладко потягиваясь на ходу.

— Ты что, опять столкнулся с Е Линем по дороге на службу? — спросил он у зависшей в воздухе голограммы.

— Вовсе нет, — ответил Сюань Юнь, отпивая глоток соевого молока. — Я встретил Писью. Он пожаловался, что тебя днем с огнем не сыщешь, а все дежурства за тебя тащит Е Линь.

Покачав головой, он беззлобно пожурил младшего брата:

— Ну и лодырь же ты. Свесил ножки и едешь на чужом горбу.

Впрочем, развивать тему не стал, чтобы не ссориться, и тут же перевел разговор:

— Кстати, до меня дошли слухи, что ты вчера весь вечер провел у Писью. Ну и как тебе?

— Неплохо. Подушка из дерева Дисю, которую он мне сосватал, действительно творит чудеса, — отозвался Лингуан.

«Правда, влетает в копеечку», — мысленно добавил он. Но покупка стоила каждого потраченного кредита.

При воспоминании о прекрасном сне, в котором он снова увидел своего ушедшего супруга, взгляд Лингуана на мгновение потеплел и подернулся дымкой светлой грусти.

— Вот как? — Сюань Юнь мягко улыбнулся. — И как тебе Е Линь? Что о нем думаешь?

Лингуан опешил от такого резкого поворота:

— Хм? С чего вдруг такие расспросы?

— Да говорю же, пересекся с Писью. Он уверяет, что устроил парню небольшую проверку, и тот с честью ее выдержал. Вердикт однозначный — парень надежный, надо брать. И ведь не поспоришь! Два дня кряду за тебя патрулирует город, работает на совесть, даже твои показатели в отчетах подтянул.

Сюань Юнь отхлебнул чаю, а его глаза так и горели нетерпением. Сейчас он больше всего походил на заботливого дядюшку, который спит и видит, как бы повыгоднее пристроить засидевшегося в девках племянника.

— ... Ты же сам еще недавно твердил, что он подозрительный тип, — Лингуан закатил глаза. — Пара ночных дежурств — и ты уже записал его в святые? К тому же, как именно Писью его "проверял"? И на что?

«Наверняка заставил парня торчать на морозе под дверью, проверяя его выдержку, а потом впарил ему байку о том, как сильно я люблю безделушки из дерева Дисю, чтобы посмотреть, раскошелится тот или нет», — догадался Лингуан.

Сюань Юнь, понимая, что подробности этой "проверки" могут разозлить брата, предпочел отделаться расплывчатыми фразами:

— Ну... как бы то ни было, Е Линь действительно хорош. Отличный парень. Да, скрытный, но к тебе относится со всей душой и терпит все капризы без единого упрека.

Если рассудить здраво, Сюань Юнь искренне желал брату счастья и считал Е Линя прекрасной партией. А то, что у парня есть свои тайны... Ну у кого их нет в наши дни? Для Сюань Юня это не было помехой.

Однако, заметив, что Лингуан начинает хмуриться, он не стал настаивать. Лишь по-отечески напомнил перед завершением звонка:

— Обязательно накинь что-нибудь потеплее, на улице ледяной ветер.

Лингуан бросил короткий взгляд на настенный дисплей климат-контроля, светившийся уютными двадцатью шестью градусами, и небрежно бросил:

— Ладно-ладно, усек.

Видимо, из-за легкого похмелья и сонного тепла в присутствии близкого человека в нем проснулось детское упрямство. Он тихонько, по-детски пробурчал под нос:

— Тоже мне, мамочка выискалась...

Эти слова ранили Сюань Юня в самое сердце. Он застыл на экране с видом глубоко оскорбленного человека.

— Неужели ты уже начал упрекать собственного второго брата? — сокрушенно воскликнул он.

— Назвать меня "мамочкой"... Это уже слишком! Немедленно возьми свои слова назад, А-Лин!

Лингуан одним ловким движением смахнул голограмму. Изображение Сюань Юня с забавной гримасой шока растаяло в воздухе, а на губах Лингуана заиграла торжествующая, слегка шкодливая улыбка.

Он озорно высунул кончик языка. Вся тяжесть вчерашнего похмелья и раздражение от утренней лекции мгновенно улетучились, уступив место детскому восторгу.

Приготовив себе чашку сладкого, ароматного чая с молоком, Лингуан устроился на диване, подогнув под себя ноги. В ожидании обещанного завтрака он снова зевнул и подпер щеку кулаком, борясь с накатывающей дремотой.

Рядом бесшумно опустился Е Линь. Лингуан едва приоткрыл глаза. В глубине его алых, как пламя, зрачков блеснула влажная искра. Казалось, один этот ленивый взгляд таил в себе всю нежность весеннего рассвета, чудом затеплившуюся посреди суровой зимы.

Прежде чем Лингуан успел издать хоть звук, на его колено легла теплая, уверенная ладонь.

Е Линь с самым невозмутимым видом погладил его бедро, окинул оценивающим взглядом и, подталкиваемый настойчивыми уведомлениями своей внутренней системы, выдал сухое:

— Красиво.

[А ноги еще краше.]

И ведь не поспоришь. Действительно чертовски красиво.

Плотная ткань гольфин мягко врезалась в белую кожу, подчеркивая волнующие изгибы бедер. Эта податливая плоть так и просилась в руки, заставляя воображение рисовать нескромные картины того, как она будет сладко сжиматься под пальцами.

«Да, я извращенец. Можете судить меня», — мысленно констатировал Е Линь.

Но чулки и правда были великолепны.

В этот момент экран коммуникатора снова вспыхнул — неугомонный Сюань Юнь все-таки пробился сквозь блокировку. Сделав глоток из своей кружки с травяным отваром, он сокрушенно вздохнул:

— Красиво-то красиво, но ведь совершенно не греет. Вечно ты жертвуешь здоровьем ради моды.

Лингуан почувствовал, как чешутся кулаки. Натянув на лицо дежурную слащавую улыбочку, он с силой уцепился за запястье рядом Е Линя и бесцеремонно скинул его ладонь со своего бедра.

Е Линь, подражая тону старшего брата, мысленно послал очередной сигнал:

[Красиво-то красиво, а потрогать не дают.]

За что тут же получил от Лингуана увесистый пинок.

Сюань Юнь, наблюдавший за этой безмолвной пантомимой сквозь край чашки, предпочел сделать вид, что ничего не заметил.

— А-Лин, не хочешь съездить куда-нибудь, погреться?

— Погреться? — Лингуан удивленно приподнял бровь.

Какая странная идея. Обычно богачи уезжали летом на курорты, спасаясь от зноя, но это был лишь предлог для праздного безделья. В век высоких технологий, когда климат-контроль может воссоздать любые субтропики прямо в спальне, зачем куда-то тащиться ради тепла?

Что может быть лучше, чем укутаться в пушистый плед морозным зимним утром и неспешно потягивать обжигающий чай?

Хотя... смотреть, как кто-то другой, весь продрогший от зимней стужи, достает из-за пазухи горячий завтрак специально для тебя — удовольствие ничуть не меньшее.

Сюань Юнь всегда отличался поразительной чуткостью. Он предусмотрительно сложил для брата контейнеры с горячей кашей и разнообразными изысканными закусками, а Е Линь бережно нес их под курткой, так что еда сохранила тепло его тела.

Чувствуя себя капризным больным, окруженным чрезмерной заботой, Лингуан плотно укутал ноги шерстяным пледом и под умиленным, истинно «материнским» взглядом Сюань Юня сделал первый глоток ароматной, дышащей паром каши. Приятное тепло тут же разлилось по телу.

Только после этого он соизволил вернуться к разговору:

— И куда же ты предлагаешь отправиться?

У Сюань Юня все было просчитано наперед. Он сделал знак Е Линю, чтобы тот вытащил билеты.

— Я же вижу, что патрулировать улицы тебе неохота, да и морозы ты переносишь плохо. У меня как раз завалялись две путевки. Почему бы вам с Е Линем не слетать на курортную планету?

Звездная администрация регулярно снабжала сотрудников годовыми бонусами в виде всевозможных скидочных купонов и путевок. Е Линь извлек из кармана ваучер на трехдневный тур для двоих на одну из элитных рекреационных планет.

Затея была идеальной. Лингуан, будучи воплощением южной огненной птицы Чжуцюзэ, органически не переносил зимнюю слякоть и холод. Короткое путешествие позволило бы ему не только согреться, но и получше узнать своего верного помощника.

Лингуан взял ваучер и принялся внимательно изучать буклет. На глянцевой бумаге пестрели изображения бескрайних пляжей, лазурных волн и грандиозных ночных фейерверков. Реклама сулила безупречное вечное лето.

— Ты ведь наверняка берег эти билеты для себя и Бай Чанфэна? С чего вдруг такая щедрость?
— прищурился Лингуан.

В том, что Сюань Юнь планировал устроить там медовый месяц со своим обожаемым Белым Тигром, сомнений не было.

Стоило Лингуану представить эту картину: знойное солнце, упругие полуобнаженные тела в тесных плавках, неугомонный Сяо Бай, самозабвенно строящий замки из песка и в панике бросающийся на шею Сюань Юню при виде любой мало-мальски крупной волны из-за врожденной кошачьей боязни воды...

«Ну и пошлятина», — мысленно поморщился Лингуан.

«Кто бы мог подумать, что наш благочестивый Сюань Юнь окажется таким хитрым интриганом».

— Нет, я не поеду, — отрезал он вслух. — Мне и дома неплохо греться.

Сюань Юнь недоуменно моргнул.

— В этом году Чанфэн занят обороной планеты Инхо, так что поездка все равно сорвалась. Не пропадать же добру. Тебе полезно развеяться, А-Лин, не упрячься.

Не понимая, почему брат смотрит на него со столь явным презрением, бедный Сюань Юнь продолжал терпеливо приводить доводы. Ему никогда прежде не приходилось примерять на себя роль свахи, и теперь он из кожи вон лез, пытаясь заставить этого капризника согласиться.

Лингуан вздернул подбородок, демонстрируя полное равнодушие к уговорам. Лишь после того как Сюань Юнь высказал все заготовленные аргументы, он снисходительно кивнул:

— Хорошо. Но учти: когда я вернусь, никаких патрулей.

Сюань Юнь не сдержал улыбки:

— Я сразу понял, к чему ты клонишь. Ладно. Ты столько лет безвылазно провел на Инхо, заслужил полноценный отдых. На Главной планете в новогодние праздники устраивают потрясающие салюты, так что провести здесь зиму — отличная идея.

Заручившись твердым обещанием брата, Лингуан наконец признал, что отпуск — не такая уж плохая мысль.

За долгие эпохи службы на Инхо его жизнь состояла лишь из бесконечных войн и тренировок. Он толком и не видел других миров.

Разглядывая безупречно синее море и золотой песок на рекламном буклете, Лингуан погрузился в размышления.

Как только довольный Сюань Юнь отключился, Лингуан резко схватил Е Линя за воротник куртки, притянул к себе и угрожающе прищурился:

— Раз уж этот курорт принадлежит Писью... Я тут подумал. Колись, на какую сумму этот старый скряга тебя нагрел?

«Для этой твари Писью звонкая монета — единственный бог. Раз уж он запел тебе дифирамбы, значит, содрал с тебя сумму, за которую в приличных мирах приговаривают к смертной казни», — мрачно подумал Лингуан.

Он мысленно усмехнулся. Пусть Е Линь порой вел себя как наивный дурачок при деньгах, но теперь он был его человеком. А своих Лингуан в обиду не давал никому!

<http://bllate.org/book/20308/2134558>